

**ТОТАЛИТАРИЗМ
И
ТОТАЛИТАРНОЕ СОЗНАНИЕ**

Выпуск 6

ТОМСК

2005

возможностей отклониться от символической логики своих действий (например, его бы никто не понял, если бы он попытался узаконить буржуазию, класс собственников или поменять идеологические взгляды).

Таким образом, мы приходим к выводу о том, что, несмотря на существование различных индивидуальных взглядов, интересов, оценок, индивид ведет себя в обществе «как все». Несмотря на неограниченные функции и политические возможности, тоталитарной бюрократии приходится «играть в одном театре со всеми». И даже вождь, казалось бы, единственный автономный субъект в политическом пространстве, становится заложником той символической системы, с помощью которой он легитимировал свою власть. Мы видим, что во всех случаях в основании поведения лежат внешние факторы. На мой взгляд, в этом и заключается основная логика тоталитарной системы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арендт Х. Истоки тоталитаризма. Под ред. М.С.Ковалевой, Д.Н.Носова.- М.: Центрком, 1996.- 672с.
2. Почепцов Г. Тоталитарный человек.- Киев: Изд-во «Глобус», 1994.-151с.
3. Давыдов Ю.Н. Тоталитаризм и тоталитарная бюрократия // Тоталитаризм и посттоталитаризм.- М., 1994.-Кн.1.-С.8-127.
4. Щербинина Н.Г. Героический миф тоталитарной России.- Томск,

Шагин С.А.

Факторы и индикаторы авторитарного сдвига в России в постпереходный период

Политические изменения, происходящие в наше время в российском обществе, находят свое отражение как в создании новых учреждений и социальных институтов, так и в семантике самого пространства политического диалога. Конференция «Тоталитаризм и тоталитарное сознание», местом проведения которой традиционно выступал городской Дом ученых, ныне проходит в Доме быта. Этот факт, случайный на первый взгляд, кажется весьма символическим. Проблематика тоталитаризма,

бывшая в 1990-е годы предметом обсуждения узкого круга специалистов, «возвращается в быт», приобретает все большую актуальность. И виной тому – политические реалии современной России.

Действительно, события последних лет дают нам немало поводов убедиться в правильности того, что все новое – это хорошо забытое старое. Впрочем, не столь уж и забытое. Граждане России старше 30 лет должны бы помнить те времена, когда страной безраздельно управляла одна партия, когда выборы имели характер ритуальной присяги на верность ей, и когда главным качеством государственного мужа (женщины в политике участвовали исключительно «для украшения») была все та же верность – и не только Родине и партийной идеологии, но и непосредственному начальству. Поэтому, наблюдая некоторые стороны современной российской политики, трудно отделаться от ощущения, будто «мы с вами (т.е. с нею) где-то встречались».

С начала 2000-х годов в нашей стране наметилась тенденция к возрождению однопартийной системы. «Хаотическая многопартийность» 1990-х годов явно уходит в прошлое. Внушительный счет, с которым «партия власти» выиграла парламентские выборы 1999 и 2003 годов, а ее фактический лидер – президентские выборы 2000 и 2004 годов, заставляет многих аналитиков говорить о падении роли многопартийности в политической жизни общества. Поводом к подобной констатации становится то, что позиции отдельного политика оказались намного сильнее, чем всех парламентских партий вместе взятых. Хотя в настоящее время партийную систему в России корректнее называть не однопартийной, а моноцентрической, но ее превращение из последней формы в первую представляется более чем вероятным.

Столь же очевиден и тот факт, что оппозиция в России полностью лишена шансов на приход к власти путем выборов. Но и тут обстановка существенным образом изменилась. В 1990-е годы представительная власть была «общедоступна», а борьба разворачивалась вокруг более важной исполнительной. Теперь же для оппозиции постепенно закрывается еще и доступ к парламентской трибуне. За время, которое прошло между электоральными циклами 1999 – 2000 и 2003 – 2004 годов, носителям исполнительной власти удалось радикально перераспределить в свою пользу и монополизировать основные ресурсы, необходимые для успеха в избирательной кампании. «Деполитизация» крупного бизнеса («равноудаление» из политики недружественных новому режиму «олигархов») и СМИ (установление косвенного государственного контроля над телеканалами ОРТ и НТВ) привели к тому, что финансовый и информационный ресурсы перестали играть на выборах

решающую роль. В результате на первое место вышел пресловутый «административный ресурс», значение которого было ключевым в советский период.

Перемены происходят и в механизмах политического представительства. На место «спонтанного» представительства социальных интересов, характерного для переходного периода, постепенно приходит «административное» представительство, типологически очень близкое к советской модели и выражающее интересы бюрократических слоев [1]. Хотя депутатов от «партии власти» в Государственной думе еще разбавляют профессиональные парламентарии и представители крупного бизнеса, их дружное вступление в состав пропрезидентской фракции в 2004 г. говорит само за себя.

Наконец, принципиальную трансформацию претерпела и правящая политическая элита России. Эрозия советской номенклатуры в 1980-е – 1990-е годы привела не только к образованию демократических каналов рекрутирования политического класса. Изменились его количественные и качественные параметры, причем отнюдь не в лучшую сторону. По справедливому выражению О.В. Гамаи-Голутвиной, в современной России наблюдается «растворение государственных интересов в партикулярных и высокая степень «приватизации» институтов государства и гражданского общества кланово-корпоративными структурами» [2]. Политический класс стал все менее ориентироваться на социальные интересы и духовно-нравственные ценности общества. И реакция общества не заставила себя долго ждать. Сначала резко упал уровень доверия населения по отношению ко всем институтам демократии, кроме выборов. А затем не только по административным, но и по тем же самым демократическим каналам в состав правящего класса стали поступать выходцы из тех социальных корпораций, которые еще сохранили в глазах общества репутацию порядочных, то есть соответствующих морально-правовому нормативу порядка и способных его поддерживать. Как несложно догадаться, лучше всего в этот критерий на рубеже веков вписались «крепкие хозяйственники» и так называемые «силовики» - командный состав армии, спецслужб, МВД и МЧС.

Военные традиционно играли важную роль в составе российской элиты. В XVIII в. столичная гвардия фактически «выбирала» императоров. В XIX в. армейский генералитет служил основой пополнения административно-политической элиты Российской империи. В советское время популярные военачальники (М. Фрунзе, Г. Жуков) пользовались столь значительным авторитетом, что партийные лидеры всерьез рассматривали их в качестве своих конкурентов и стремились всеми способами их уничтожить. Лишь в годы «перестройки»

значимость военных и особенно спецслужб в публичной политике несколько снизилась.

В постсоветской России генералы претендовали на пост президента (А. Макашов в 1991 г. и А. Лебедь в 1996 г.), исполняли обязанности вице-президента (А. Руцкой в 1991 – 1993 гг.), вели вооруженную борьбу против федерального центра (Д. Дудаев в 1994 – 1996 гг. и А. Масхадов по настоящее время), возглавляли или возглавляют до сих пор целый ряд российских регионов (А. Руцкой – Курскую область, А. Лебедь – Красноярский край, его брат – Хакасию, М. Громов – Московскую область, Г. Шпак – Рязанскую область и т.д.). Достаточно вспомнить также политическую популярность убитых при загадочных обстоятельствах генерала Л. Рохлина и бывшего преподавателя военной академии С. Юшенкова. Однако, в 1990-х годах люди «с выправкой» могли рассчитывать на продвижение только в региональную власть, в борьбе же за федеральную они обычно проигрывали. В России 2000-х силовые структуры превратились в один из главных источников пополнения еще и федеральной властной корпорации. Выходцы из армии и спецслужб в настоящее время составляют кадровый костяк полномочных представителей и руководства Администрации Президента. По данным О.В. Крыштановской, аппарат управления вновь образованных федеральных округов до 70% укомплектован военными, их доля среди губернаторов удвоилась, а число министров с военным прошлым увеличилось на треть[3]. Некоторые западные обозреватели даже убеждены в том, что Ельцин, назначив Путина своим преемником, «отдал в конце 1999 года стабилизацию России на откуп спецслужбам»[4].

Впрочем, нельзя не заметить, что повышение статуса «вооруженной» элиты сопровождается укреплением контроля верховной власти над самими «силовиками», точнее – над определенной их частью. Борьба против коррупции, заявленная в качестве одного из главных направлений политики второго российского президента, сконцентрировалась на выявлении и преследовании так называемых «оборотней в погонах» – коррумпированных офицеров армии и МВД. Случайно или нет, но в ФСБ, ФСО и СВР «оборотней» не обнаружено. Тем самым, вместо структурно-функционального реформирования вооруженных сил основным методом их регулирования избраны традиционные кадровые «чистки». Их цель, скорее всего, состоит в том, чтобы усилить позиции спецслужб в «силовом блоке».

Российский правящий класс меняется не только генетически, но и типологически. Как известно, классик итальянской политической мысли В. Парето различал элиты «лисы», сочетающих в своем стиле поведения политическую демагогию и компромисс, и «львов», предпочитающих жесткое администрирование и

авторитарное навязывание своей позиции. Очевидно, что в последнее время в нашей стране наблюдается неуклонное вытеснение «лис» «львами». Уход из большой политики Б. Ельцина, умело сочетавшего оба стиля, и замена его В.В. Путиным - далеко не самый яркий тому пример. Гораздо явнее виден этот процесс при последовательном сравнении депутатов Государственной думы РФ от Томской области – С. Сулакшина, Е. Лигачева и В. Жидких.

Такая динамика политических процессов вольно или невольно наводит на мысль о том, что с начала нового тысячелетия (а может быть, и ранее) в России происходит реставрация основных параметров советской и досоветский политической системы. Конечно, эта новая система юридически оформлена иначе, снабжена массой «архитектурных излишеств» и гораздо более гибко реагирует на общественные настроения. Но в глубинной сущности своей она осталась той же самой.

Тем не менее, отличия современного российского режима от советского очевидны. Если просуммировать их одной фразой, то можно сказать, что новый режим официальнее. В отличие от коммунистического режима, в нынешнем существенно сильнее формальные позиции официального главы государства. В СССР глава правительства был значительно более важной фигурой, чем «коллективный президент» - Президиум Верховного Совета. В системе неформальной «разделения властей», сложившейся в Советском Союзе, такое положение стало возможным потому, что главный центр принятия политических решений находился вне формальной системы государственной власти. Точнее было бы сказать, что сама эта формальная система была инструментом другой – неформальной системы партийной власти. Поэтому слабого формального главу государства дополнял сильный неформальный «президент» в лице партийного лидера или Политбюро ЦК КПСС в целом. В Российской Федерации формальный и неформальный центры власти совпадают – президент не только официальный глава государства, но и наиболее влиятельный институт политической системы. Властные позиции, а в последние годы – еще и авторитет российского президента намного прочнее, чем позиции любой политической партии. Это еще раз подтвердили итоги выборов, прошедших в 2003 – 2004 гг. В этом отношении институциональное оформление современной российской политики гораздо ближе не к советской, а к досоветской практике.

Официальнее стали и механизмы оформления важнейших политических решений. В советской партийно-государственной системе безусловно преобладали неформальные пути согласования интересов, а Верховный Совет служил только в качестве инструмента обнародования решений. В 1990-х гг.

парламент и президент действовали как параллельные друг другу официальные власти, причем нормативные указы последнего имели больше реального значения, чем законы первого [См.:5]. В путинской России исполнительная власть приобрела возможность проводить через Думу любые инициативы и поэтому необходимость в «опережающем нормотворчестве» у главы государства отпала.

Изменения коснулись и идеологического пространства. В советском обществе коммунистическое учение играло важнейшую роль для структурирования политического сознания. Оно интерпретировало социальную действительность, задавало общий вектор общественного развития, определяло рамки выбора конкретных путей решений социальных проблем. Новый режим отличается тем, что он вообще не имеет собственной идеологии. Позитивной государственной идеологии у постсоветской России не было и в 1990-е гг. В качестве ее заменителя выступал антикоммунизм. Однако теперь и он утратил свою значимость. Попытки же синтезировать «новый консерватизм» для «Единой России» пока результатов не принесли. Подобная ситуация на идеологическом пространстве создает широкие возможности политического маневра для главы государства.

Монополизация СМИ также создала благоприятные возможности для усиления культурно-идеологической составляющей государственной политики. И такая составляющая довольно скоро появилась. В начале 2000-х гг. существенно возросла доля распространяемой СМИ советской или стилизованной под нее культурной продукции. Празднование 300-летия Санкт-Петербурга отчетливо зафиксировало реставрацию традиционного способа символической репрезентации российской государственности: «северная столица» - европейский фасад, Москва – «для внутреннего употребления». Усилилась пропаганда достижений советского прошлого и планируемых нынешней властью реформ. Руководитель департамента политологических программ Центра политических технологий А. Зудин справедливо отмечает: «Переход федерального центра к активной информационной и культурной политике порождает опасность появления «нового агитпропа». Рельефно обозначилось намерение государства снова играть активную роль в патриотическом воспитании общества, используя в качестве инструментов кинематограф, спорт, церковь»[6].

Особо хотелось бы обратить внимание на один из характерных индикаторов идеологического самоопределения режима. Речь идет о проблеме политизации образования. Сама по себе необходимость политического образования молодежи не вызывает никаких сомнений. Однако для каждого современного политического режима характерны свои цели и принципы

образовательной политики в данной области. Например, в советском обществе институтами политического воспитания и образования служили детские и молодежные коммунистические организации. Кроме того, хотя в советской школе не существовало специальных учебных предметов по политическому образованию, эту же роль фактически выполняли история, основы государства и права, литература и обществоведение. Именно перед преподавателями этих дисциплин традиционно ставилась задача обеспечить формирование основ коммунистического мировоззрения.

В постсоветский период общая тенденция деидеологизации заметно снизила значение идейно-политических аспектов гуманитарного образования. Утвердилось представление о приоритете общечеловеческих ценностей над классовыми, национальными, религиозными. На первый план в изучении гуманитарных дисциплин вышли конкретные знания, умения и навыки, необходимые для дальнейшей образовательной и профессиональной деятельности.

Однако в последнее время и в этой сфере наметились некоторые реставрационные сдвиги. Например, в 2004 г. российское министерство образования и науки предложило новому составу Думы принять государственный образовательный стандарт по гуманитарным предметам средней школы. Принципиально важным положением этого документа является установление в качестве первого и главного приоритета школьного исторического образования воспитание патриотизма и гражданственности. Представляется, что при всей несомненной значимости этой задачи постановка ее на первое место в ряду образовательных приоритетов явно смещает центр тяжести среднего образования с собственно образовательных на воспитательные цели. А в комплексе с предложениями о возвращении в школу элементов военного образования такой проект очевидно тяготеет к советской практике милитаризации и политизации, к превращению школ в «бронетанковые академии театральных войск».

Названные аспекты политической ситуации в России 2000-х гг. являются настолько значимыми, что позволяют говорить об определенных закономерностях эволюции политической системы. Изменения в структуре и динамике политической жизни российского общества, обычно описываемые в категориях демократизации, вывели политическую систему страны из состояния равновесия. В результате, в течение 1990-х гг. произошли значимые институциональные изменения, границы которых определились особенностями российской политической культуры и социального контекста реформ. Однако истинное значение этих процессов выражается не в переходе российского общества к демократическому способу организации политической

жизни, а в его постепенном уходе от тоталитаризма. Уже много раз говорилось о том, что наличие формальных признаков процедурной демократии в России не привело к формированию демократического режима. Поэтому российский «политический транзит» - это не «переход к», а «переход от», движение с неопределенным результатом, пьеса с открытым финалом. Известной величиной (да и то – весьма относительно) выглядит лишь исходный пункт этого движения.

Трасектория политических изменений в посткоммунистической России также носит нелинейный характер. Если в первой половине 1990-х гг. в стране наблюдались реальные переходные процессы, устанавливались новые правила политического общения, образовывались новые политические институты, то с середины десятилетия общество входит в зону стагнации и растущего недоверия к власти. Лишь с начала 2000-х гг. в ответ на социальных запрос новый режим осуществляет серию преобразований, но направлены они не столько на укрепление демократии, сколько на стабилизацию самого режима и восстановление некоторых традиционных практик отечественной политики. Таким образом, политическая динамика России на рубеже тысячелетий проявляет возвратно-поступательный характер.

Чем же обусловлен такой поворот российского политического процесса? Можно предположить, что подобная динамика политических изменений связана с действием нескольких факторов. В их числе - макроэкономическая стабилизация, в основе которой лежит фантастически благоприятная для российских корпораций мировая конъюнктура цен на нефть. Поскольку доходы от нефтедобычи давно превратились в одну из основ курса рубля и важнейших статей российского бюджета, это обстоятельство никак нельзя сбрасывать со счетов. Если падение мировых цен на нефть не только экономически, но и политически дестабилизирует нефтедобывающие страны, то рост этих цен – фактор консервации режимов, причем, режимов нередко далеких от демократии. «В самом деле, - замечает берлинский публицист С. Марголина, - практически нет нефтяных государств с демократической системой правления. Поэтому некоторые российские либералы возлагают свои надежды на целительную силу обвала цен на нефть, который один был бы в состоянии покончить с «управляемой демократией»[7].

Водействие международной среды на политическую систему России не ограничивается одними экономическими аспектами. Не никаких сомнений в том, что свое влияние на российскую политику оказала та перестановка приоритетов, которая произошла во внешней политике ведущих стран Запада, и, прежде всего – США, в выработке подходов к решению вопросов

национальной безопасности и установлению нового мирового порядка. Если полудемократический режим Б.П. Ельцина вызывал по отношению к себе острую критику западной общественности, то после 11 сентября 2001 года ничуть не более демократичный режим В.В. Путина рассматривается Западом как возможный союзник в противостоянии с международным терроризмом. Поэтому приход к власти нового главы российского государства символизировал внутри страны не только экономический рост, но и укрепление связей с мировым сообществом. С другой стороны, Путин возложил российскую политику в обстановке эскалации чеченского конфликта, и усиление угрозы международного терроризма в этих условиях лишь способствовало упрочению его положения как «коменданта осажденной крепости». Кстати, с еще большей силой этот эффект был использован правящими кругами США для повышения легитимности правления президента Дж. Буша-младшего, режим которого также трудно назвать в полной мере демократическим.

Наконец, в ряду факторов «авторитарного сдвига» можно назвать и такое явление как общее снижение интенсивности политической динамики. Российская история дает немало примеров того, как нарастание интенсивности политических событий, обычно связанное с кризисным состоянием социума, способствует появлению новых альтернатив общественного развития, реализация которых связана с повышением значимости политического участия, ростом политического плюрализма, возможностью ограничения верховной власти. Именно так складывалась обстановка в стране в период Смутного времени, дворцовых переворотов XVIII в., в 1917 г., а также на рубеже 1980-х – 1990-х гг. Снижение же событийной насыщенности политического процесса, выход России из кризисного состояния всегда сопровождается формированием новой «вертикали власти» или воссозданием старой. Именно такую «вертикаль» создали первые Романовы в XVII в., Екатерина II в XVIII в., большевики в России после гражданской и Великой Отечественной войн. Закономерно ее появление и в современной России.

Уходя от тоталитарного прошлого, российское общество не может сделать это мгновенно, одним движением. Наряду с этапами интенсивных перемен необходимы и периоды консервативных преобразований, способные ценой определенных уступок закрепить если не все, то хотя бы часть происходящих изменений. В такие эпохи в обществе нередко наблюдаются причудливые сочетания разнородных социальных явлений, общественных настроений и политических лозунгов – вроде известного девиза о «диктатуре закона». Россия в начале XXI в. – яркий тому пример. И лишь время покажет, куда ведет

путинская «диктатура закона» - к диктатуре без закона или к нормальному соблюдению закона безо всякой диктатуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амелин В.Н., Пинчук К.М. Социальные трансформации и формирование политического класса в России. - http://www.hse.ru/journals/wrldross/vol01_3/Amelin.htm
2. Гаман-Голутвина О.В. Бюрократия или олигархия? - http://scenario.ng.ru/elections/2000-03-15/1_bureau.html
3. Крыштановская О. Люди Путина // Ведомости. 30.06.2003.
4. Пар А. Холодный мир. - http://www.deutschebotschaft-moskau.ru/ru/bibliothek_internationale-politik/2004-02/article02.html
5. Лучин В.О. «Указное право» в России. М., 1996.
6. Зудин А. Путин: итоги первого срока. - <http://www.politcom.ru/2003/prognoz6.php>
7. Мариолина С. И на солнце есть пятна. - http://www.deutschebotschaft-moskau.ru/ru/bibliothek_internationale-politik/2003-04/article05.html

Шпагин С.А. Политические изменения на постсоветском пространстве и деполитизация российского общества

«Вы еще не верите в демократию?
Тогда мы идем к вам!»

Почти реклама

События в странах бывшего СССР в последнее время едва ли не заслонили собой внутреннюю политику России. «Оранжевая революция» 2004 года на Украине, свержение режима О. Акаева в Кыргызстане, вооруженные столкновения в Узбекистане в 2005 году обратили на себя усиленное внимание мировых средств массовой информации и в какой-то мере отвлекли нас от внутрироссийских проблем. Но сами эти проблемы никуда не исчезли. Более того, между фундаментальными процессами в России и современными политическими изменениями на постсоветском пространстве прослеживается прямая связь.

Несмотря на очевидные различия в экономическом развитии, социальной структуре, политической организации и духовной